

ВЕКЛЕНКО С.В.,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный
работник высшей школы Российской Федерации,
начальник Калининградского филиала Санкт-
Петербургского университета МВД России
postmaster@ptskl.baltnet.ru

СЕМЧЕНКОВ И.П.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права, криминологии и уголовно-
исполнительного права Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
semchenkovmail@yandex.ru

СОРОКИН И.С.,

кандидат юридических наук, доцент, начальник
кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-
исполнительного права Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
issorokin@mail.ru

УДК 343.01

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ И ПОКУШЕНИЕ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ С КОСВЕННЫМ УМЫСЛОМ ВОЗМОЖНЫ

**Приготовление к преступлению,
покушение на преступление,
прямой умысел, косвенный
умысел, возможность,
неизбежность, волевой
момент умысла.**

В статье рассматривается господствующая в доктрине уголовного права и судебной практике точка зрения, которая отрицает возможность существования приготовления к преступлению и покушения на преступление с косвенным умыслом. Обосновывается вывод о ее несоответствии действительности, демонстрируется несостоятельность доводов, лежащих в ее основании. Показаны позитивные перспективы отказа от данной точки зрения. По результатам исследования предлагаются соответствующие изменения доктрины уголовного права и уголовного законодательства.

*«Нельзя приготовить омлет,
не разбив нескольких яиц»
М. Робеспьер*

В действующей доктрине уголовного права господствующей является точка зрения, согласно которой приготовление к преступлению и покушение на преступление могут иметь место при наличии исключительно прямого умысла, а при косвенном умысле их совершение невозможно. При этом, однако, считается, что совершение оконченного преступления возможно не только с прямым, но и с косвенным умыслом. Об этом уже более шестидесяти лет говорится в научной и учебной литературе по уголовному праву, а также комментариях к уголовному законодательству. Данная позиция была воспринята и высшей судебной инстанцией нашей страны, которая, начиная с 1963 года, стала указывать в своих постановлениях по делам об убийстве, что покушение на убийство возможно при наличии только прямого умысла¹.

Между тем такое решение вопроса представляется довольно странным и по меньшей мере весьма нелогичным.

Волевой момент косвенного умысла является собой отношение виновного к наступлению причиняемых преступных последствий. Это означает, что данный вид умысла имеет место при со-

---

¹ См.: п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 03.07.1963 № 9 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве»; п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27.06.1975 № 4 «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»; п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.1992 № 15 «О судебной практике по делам об умышленных убийствах»; п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 25.06.2019) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

вершении не любых, а только таких преступных деяний, которые иницируют возникновение причинной связи, влекущей наступление преступного результата. Действия, запускающие механизм развития причинной связи, являются покушением на преступление. Из этого следует, что совершить оконченное преступление с косвенным умыслом без стадии покушения невозможно, ибо причинная связь, как известно, сама по себе из ниоткуда, то есть без причины, возникнуть не может. Для того чтобы она была запущена, необходимо совершение конкретных действий, являющихся причиной наступления преступных последствий, а эти действия как раз и образуют собой не что иное, как покушение на соответствующее преступление.

Понимание того, что совершить оконченное преступление с косвенным умыслом без стадии покушения нельзя, вступает в противоречие с господствующей точкой зрения о том, что стадия покушения в преступлениях с косвенным умыслом невозможна. Как минимум один из этих тезисов является ложным. Но какой? А может быть оба?

Приведенный выше анализ объективного механизма совершения преступления с косвенным умыслом, основанный на понимании азов уголовного права и здравом смысле, показывает, что оконченное преступление с косвенным умыслом без стадии покушения действительно совершить нельзя.

В отличие от этого тезис о невозможности покушения на преступление с косвенным умыслом такого мощного обоснования не имеет. Но это не единственный его недостаток.

Данная точка зрения не может объяснить ни того, как происходит причинение вреда в преступлении с косвенным умыслом, ни того, почему привлекают к ответственности тех, кто совершил оконченное преступление с этой разновидностью умысла. С одной стороны, представители исследуемой точки зрения утверждают, что *оконченное* преступление с косвенным умыслом, причиняющее преступные последствия, *возможно*. С другой стороны, они же говорят о невозможности покушения на это преступление, то есть о невозможности действий, запускающих механизм развития причинной связи, влекущей наступление этих последствий. Так откуда же в таком случае берутся эти последствия, если никто их иницировать не может? И как при этом вообще можно ставить вопрос о привлечении кого-либо к ответственности за оконченное преступление с косвенным умыслом, если никто совершить деяние, являющееся причиной наступления преступных последствий, не в состоянии? Но ведь ответственность за оконченные преступления с косвенным умыслом существует, не так ли?

Помимо этого, данная точка зрения ставит под сомнение и саму возможность совершения оконченных преступлений с косвенным умыслом. Утверждение о том, что покушение с косвенным умыслом невозможно, исключает существование действий, которые совершаются с косвенным умыслом и запускают вредоносную причинную связь. Это, в свою очередь, исключает возможность наступления последствий, к которым лицо может относиться с косвенным умыслом, то есть указывает на невозможность самого факта существования окон-

ченного преступления, совершаемого с косвенным умыслом. Однако оконченные преступления с косвенным умыслом существуют, и никто из представителей исследуемой господствующей точки зрения этого факта почему-то не отрицает.

По нашему мнению, данных аргументов уже должно быть достаточно для разрешения противоречия между тезисами о том, что совершить оконченное преступление с косвенным умыслом без стадии покушения нельзя, и о том, что стадия покушения в преступлениях с косвенным умыслом невозможна. Из этих двух тезисов не соответствующим действительности оказался последний, то есть господствующая в настоящее время точка зрения, отрицающая возможность приготовления и покушения с косвенным умыслом. Но что послужило основанием для такого неверного понимания механизма совершения преступлений с косвенным умыслом?

Применение метода ретроспективного анализа позволило выявить следующие обстоятельства, обусловившие появление и существование не соответствующего действительности представления о невозможности приготовления и покушения с косвенным умыслом.

Обстоятельство первое - неудачное использование в качестве названия косвенного умысла слова «эвентуальный».

Данный вопрос детально и обстоятельно, на основе развернутого анализа конкретных примеров, рассмотрен в нашей статье «Интеллектуальный момент косвенного умысла», в связи с чем здесь мы приводим лишь некоторые и обобщенные положения этой статьи, которые имеют непосредственное отношение к названию «эвентуальный умысел».

Привычное для нас название «косвенный умысел» начало получать свое распространение лишь ближе к 50-м годам прошлого столетия. До этого, во второй половине XIX века, умысел, характеризующийся допущением последствий, назывался *непрямым*, а к концу XIX века его стали именовать *эвентуальным*.

Семантическая особенность слова «эвентуальный» заключается в том, что оно предполагает предвидение только *возможности* наступления преступных последствий. С учетом этого в теории уголовного права сформировалось стойкое убеждение в том, что в преступлении с косвенным умыслом - и в приготовлении к его совершению, и в покушении на него, и в оконченном преступлении - лицо предвидеть *неизбежность* последствий не может.

Когда представители доктрины уголовного права столкнулись с материалами судебной практики, в которых лицо при безразличном отношении к преступным последствиям предвидело их неизбежность, они должны были задуматься над тем, насколько слово «эвентуальный» является пригодным для названия непрямого, то есть, выражаясь современным языком, косвенного умысла. И если бы они хотя бы начали думать в этом направлении, то так или иначе, рано или поздно им все равно пришлось бы признать, что употребление слова «эвентуальный» влечет искусственное, несоответствующее действительности ограничение в понимании реального содержания косвенного умы-

сла, и от него следует отказаться. Однако они поступили иначе и стали рассматривать все подобного рода случаи как преступления, совершенные с прямым умыслом [1, с. 10-12].

Вместе с тем приравнивание такого косвенного умысла к умыслу прямому оказалось не без изъяна. Оно не изменило и не могло изменить реального содержания волевого момента этого названного прямым умысла, которое по-прежнему продолжало оставаться характерным именно для косвенного умысла (допущение последствий либо безразличное к ним отношение).

Несовпадение волевых моментов настоящего прямого умысла и косвенного умысла, который стали называть прямым, вначале было вообще проигнорировано, а впоследствии было предложено попросту не обращать на него никакого внимания: «Оттенки же отношения к наступлению такого неизбежного результата, - указывал в связи с этим Н.Д. Дурманов, - не имеют существенного значения для ответственности» [2, с. 126]. Помимо этого, для того чтобы не акцентировать проблему несоответствия волевых моментов, сторонники приравнивания такого косвенного умысла к прямому не стали открыто называть этот вид косвенного умысла прямым, а придумали для него особое название - «мнимый эвентуальный умысел»¹.

Название «мнимый эвентуальный умысел» как непригодное для характеристики косвенного умысла с предвидением неизбежности дальнейшего распространения не получило. Остался в истории и «корень зла» - название «эвентуальный». Зато ошибочное представление о невозможности приготовления, покушения и оконченного преступления с косвенным умыслом, при котором лицо предвидит неизбежность последствий, успело настолько глубоко укорениться в доктрине уголовного права, что в 1996 году получило законодательное закрепление в ч. 3 ст. 25 УК РФ, согласно которой лицо при совершении преступления с косвенным умыслом предвидеть неизбежность последствий не может.

Обстоятельство второе - заблуждение относительно того, что, не желая наступления последствий, готовиться к совершению преступления и покушаться на его совершение невозможно.

Использование неудачного названия «эвентуальный» объясняет отрицание покушения с косвенным умыслом только для тех случаев, в которых лицо предвидит неизбежность преступных последствий. В основе отрицания покушения с косвенным умыслом, при котором лицо предвидит возможность наступления последствий, лежит другое обстоятельство, которое, по мнению представителей исследуемой господствующей точки зрения, делает невозможным приготовление и покушение с косвенным умыслом независимо от того, что именно предвидит лицо: возможность или неизбежность наступления последствий. Это приведенный ниже тезис, согласно которому такое отрицание якобы обусловлено содержанием волевого момента косвенного умысла.

«В случаях совершения преступления с эвентуальным умыслом лицо, как известно, не желает наступления преступного результата. Но, не желая его, лицо не может «логически» готовиться к его совершению или покушаться на его совершение» [3, с. 319]. Данное высказывание А.Н. Трайнина впоследствии было воспринято и взято на вооружение всеми иными авторами, которые также полагали, что приготовление и покушение в преступлении с косвенным умыслом невозможны. К их числу относятся Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, А.А. Пионтковский, И.С. Тишкевич, А.С. Горелик, Н.Ф. Кузнецова, В.Д. Иванов и подавляющее большинство других советских ученых.

У этого, так сказать, «объяснения», которое со временем приобрело статус научного аргумента, имеется одно весьма слабое место - это отсутствие ответа на вопрос о том, почему же, не желая наступления преступных последствий, лицо не может готовиться к их причинению или покушаться на их причинение. Очень внимательные и скрупулезные поиски ответа на этот важный вопрос показали, что его никто до сих пор дать не смог. Пришлось заниматься осмыслением данного тезиса самостоятельно.

Проведенная в этом направлении работа показала ошибочность рассматриваемого высказывания А.Н. Трайнина, которая определяется тем, что оно не учитывает всего одного, но очень важного обстоятельства, хорошо известного любому взрослому человеку, на которое Максимилиан Робеспьер очень метко обратил внимание еще в XVIII веке². Это наличие жизненной ситуации, в которой получение искомого результата сопряжено с неизбежностью или возможностью побочного результата, наступления которого лицо не желает.

Субъективная особенность данной ситуации заключается в том, что она характеризуется раздельным и нетождественным волевым отношением, с одной стороны, к необходимому результату и, с другой - к тем последствиям, которые являются побочными, косвенными. К искомому результату лицо относится как к желаемому, а к побочному, косвенному - с безразличием либо допущением его наступления.

Совершение такого деяния влечет наступление одновременно и желаемого, и побочного - косвенного - результата, ввиду чего и покушение на его совершение также всегда направлено на причинение этих двух видов последствий одновременно. Иными словами, такое покушение всегда является и покушением на желаемый результат, и покушением на тот результат, в котором лицо не нуждается, который для него является побочным.

При совершении такого комплексного покушения искомый желаемый результат не всегда является преступным. В этом случае содеянное необходимо рассматривать только как покушение на преступление, совершаемое с косвенным умыслом.

Весьма показательным в данном смысле является покушение на убийство в ситуации превы-

¹ См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Всесоюзный ин-т юридических наук М-ва юстиции СССР: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. С. 319, 320; Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. С. 125.

² См. эпиграф к настоящей работе (прим. авт.).

шения пределов крайней необходимости, когда родитель пытается спасти жизнь своего ребенка за счет гибели нескольких ни в чем не повинных людей, понимая при этом, что причиняет им смерть. «Совершенно очевидно, что смерти этих людей родитель не желает и, может быть, даже сожалеет о ее причинении, но тем не менее все равно считает ее допустимой для него ценой, которую он готов уплатить за спасение своего чада» [1, с. 10]. Совершить такое желательное для лица «спасение», миновав стадию покушения, невозможно, поэтому при недоведении этого «спасения» до конца по независящим от лица обстоятельствам содеянное с полным правом надлежит квалифицировать как покушение на убийство, совершенное с косвенным умыслом.

Если же преступными являются оба результата - и желаемый, и косвенный, побочный, - то покушение на их причинение будет характеризоваться в отношении желаемого результата прямым умыслом, а в отношении побочного результата - косвенным.

Именно такого рода ситуация используется А.Н. Трайниным в качестве базового примера, который он приводит для демонстрации того, что предвидение неизбежности преступных последствий в косвенном уме невозможно: «Произойдет ремонт дома. В кабине, прикрепленной канатом к крыше на высоте 10-го этажа, работают двое рабочих - Иванов и Семенов. Гр-н Романов, враг Иванова, задумал убить его и с этой целью подрезает канат, поддерживающий кабину; оба рабочих падают и разбиваются насмерть. Романов не желал убить Семенова, но смерть его сознательно допустил» [3, с. 219].

Общая причина желаемого результата в виде смерти Иванова и косвенного результата в виде смерти Семенова очевидна. Понимал ли это виновный? Несомненно. Предвидел ли неизбежность смерти обоих? Конечно. С учетом этого данный случай необходимо квалифицировать как убийство двух лиц: Иванова с прямым, а Семенова - с косвенным умыслом. Также очевидно, что совершить это убийство без стадии покушения (без подрезания каната) невозможно, и, если бы это преступление по независящим от лица обстоятельствам не было бы доведено до конца, его необходимо было бы квалифицировать как покушение на убийство двух лиц: одного с прямым умыслом, а другого - с косвенным. Лицо, подрезая канат, не могло не сознавать, что, помимо желаемого результата в виде смерти Иванова, его покушение также направлено и на причинение косвенного последствия в виде смерти Семенова.

Что же помешало такому простому, очевидно-му и, самое главное, полностью соответствующему действительности решению вопроса? Слово «эвентуальный», использованное для названия косвенного умысла, нежелание расстаться с этим названием, то есть инерция мышления, а также вера в непогрешимость данного названия, позаимствованного из иностранных источников по уголовному праву. Весомую роль в этом сыграл и ошибочный тезис о том, что, не желая наступления последствий, совершить покушение невозможно.

А.Н. Трайнин под влиянием именно этих обстоятельств сделал не соответствующий действительности вывод о том, что в данном примере убийство обеих жертв было совершено с прямым умыслом [3, с. 219, 220], и это при том, что сам же при анализе данного случая отметил наличие в нем волевого момента, который характерен именно для косвенного умысла: «Романов не желал убить Семенова, но смерть его сознательно допустил» [3, с. 219].

Обстоятельство третье - методологически неверный подход к устранению противоречия между фактами действительности и теоретическими положениями.

Методологические основы научного познания особо выделяют такой универсальный общенаучный метод исследования, как восхождение познания от конкретного к абстрактному и далее - от полученной абстракции к новому конкретному.

«Фактически данный метод познания объединяет в себе два методологических приема (способа). Суть первого из них, а именно восхождения от конкретного к абстрактному, заключается в том, что при изучении отдельных явлений мы отвлекаемся от единичного, случайного, несущественного и выделяем общее, необходимое, существенное, которое и представляет собой определенного вида абстрактное знание.

Второй способ состоит в следовании от абстрактного к конкретному, где ранее полученная абстракция служит основой понимания сущности нового конкретного, выступающего в качестве предмета исследования.

Применяется второй способ, как правило, с целью экономии сил и средств, а также времени в тех случаях, когда уже имеются какие-либо результаты в исследовании аналогичных явлений, и нет нужды, что называется, «изобретать колесо заново».

Из этого следует, что, какой бы из двух вышеказанных способов ни применялся исследователем, конечный результат всегда должен быть основан на первом методе - на восхождении познания от конкретного к абстрактному, поскольку абстрактное, используемое во втором случае, все равно есть продукт, результат первого способа.

Методологический потенциал данного метода исследования позволяет не только получать новые научно обоснованные абстрактные знания, облегчающие процесс познания действительности, но также проводить проверку истинности уже существующих научных понятий, о методологии получения которых ничего не известно.

Для проверки обоснованности такого рода научных понятий достаточно взять конкретный факт действительности, для объяснения которого служит определенное понятие, и проверить, соответствует ли оно данному факту или же нет. Если соответствует, значит, оно является верным. Если не соответствует, - является ложным, методологически несостоятельным, оторванным от действительности и не имеющим права на существование» [4, с. 9-10], [5, с. 41-42].

Когда представители рассматриваемой точки зрения столкнулись с конкретными фактами, указывающими на возможность совершения преступления с косвенным умыслом, которое характери-

зуется предвидением неизбежности последствий, а также с фактами, демонстрирующими возможность приготовления и покушения с косвенным умыслом, и увидели, что эти факты противоречат их научным воззрениям (научной абстракции), то, руководствуясь методом восхождения познания, они должны были поставить под сомнение эту абстракцию, но не конкретные факты. Однако они поступили прямо противоположным образом, то есть подвергли сомнению реалии действительности и стали трактовать конкретные факты таким образом, чтобы эта трактовка не противоречила их ошибочным представлениям о том, что в преступлении с косвенным умыслом приготовление и покушение невозможны.

Основные итоги исследования, их значение и перспективы реализации.

В реальной действительности покушение на преступление с косвенным умыслом, конечно же, существует, причем не просто существует, а является настолько обязательным, что без него совершение окончательного преступления с косвенным умыслом невозможно.

Все аргументы, которыми оперируют сторонники точки зрения, отрицающей возможность приготовления и покушения с косвенным умыслом, таковыми, то есть аргументами, на самом деле не являются.

Представленные в настоящей статье аргументы и контраргументы, напротив, полностью подтверждают возможность наличия в преступлении с косвенным умыслом и стадии покушения, и приготовления к его совершению.

Все это свидетельствует о правильности научной позиции таких авторов, как Ж.Ж. Жижиленко, Ж.Я. Немировский, В.Я. Лившиц, И.И. Горелик¹, которые полагают, что приготовление и покушение возможны в преступлениях, совершаемых не только с прямым, но и косвенным умыслом.

Сфера применения представляемых в данной работе результатов ограничена преступлениями, которые совершаются с косвенным конкретизированным либо косвенным альтернативным умыслом. Проблемы квалификации преступлений с неопределенным умыслом здесь не рассматриваются. Они совершенно одинаковы как для косвенного, так и для прямого умысла и никакого отношения к особенностям косвенного умысла не имеют. По этой причине комплексный теоретический анализ данных проблем необходимо проводить в рамках отдельного самостоятельного исследования.

Первый аспект практической значимости полученных результатов определяется тем, что их реализация позволит возродить из небытия практику привлечения к уголовной ответственности за приготовление и покушение, которые совершаются с косвенным умыслом.

Правоприменительная деятельность постоянно сталкивается с такими неоконченными преступле-

ниями. Однако существующее отношение к этому вопросу доктрины уголовного права и Верховного Суда Российской Федерации приводит к тому, что лишь немногие практические работники осмеливаются решать его правильно. Но и эти попытки, к сожалению, пока являются бесперспективными.

Показательным примером правильного и одновременно бесперспективного решения данного вопроса является недавнее дело Пятковского С.С., которому в рамках уголовного дела о поджоге абсолютно верно было инкриминировано покушение на убийство с косвенным умыслом. Органами предварительного следствия и судом первой инстанции было установлено, что Пятковский С.С. «осознавал, что в пожаре могут погибнуть все люди, находившиеся в то время в доме, ... и допускал это». Между тем вышестоящая судебная инстанция данный приговор отменила, указав при этом, что вменение в вину покушения на убийство «породило правовую неопределенность относительно формы вины Пятковского С.С. по преступлению, предусмотренному ч. 3 ст. 30 п.п. «а», «в», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку предъявлять обвинение и признавать виновным в покушении на преступление можно только при доказанности того, что лицо действовало с прямым умыслом»². Совершенно очевидно, что в основе отмены данного приговора лежат ошибочные положения доктрины уголовного права и основанная на них позиция Верховного Суда Российской Федерации, которые допускают возможность покушения только с прямым умыслом. Чем завершится эта отмена, понятно. Покушение на убийство с косвенным умыслом из обвинения будет исключено, и виновный требующегося для его исправления наказания так и не получит.

Второй аспект практической значимости полученных результатов определяется тем, что их реализация позволит осуществлять привлечение к ответственности за приготовление, покушение и окончательное преступление, фактически совершаемые с косвенным умыслом, под собственным названием этого умысла.

В некоторых случаях это поможет избежать неверной уголовно-правовой оценки содеянного, что само по себе уже представляется достаточно важным. Здесь имеются в виду ситуации, аналогичные той, которая была взята для примера А.Н. Трайниным (убийство Иванова и Семенова). В этом примере по отношению к смерти одной жертвы убийства двух лиц имелся прямой умысел, а в отношении другой - косвенный, который автор, игнорируя факты действительности, называет прямым.

В других случаях позитивные последствия упоминания косвенного умысла под своим аутентичным названием могут быть еще более значительными, вплоть до изменения сложившейся практики применения уголовного законодательства. На рассмотрении этого аспекта необходимо остановиться подробнее.

¹ См.: Уголовный кодекс. Часть Общая: практический комментарий / Под. ред. М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. М., 1924. С. 33; Немировский Ж.Я. Советское уголовное право. Одесса, 1926. С. 84; Лившиц В.Я. К вопросу о понятии эвентуального умысла // Советское государство и право. 1947. № 7. С. 43; Горелик И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. Минск, 1964. С. 28.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 04.04.2022 по делу № 22 - 1823/2022 // URL: <https://судебныерешения.рф/67796594>.

Все основные формы хищения принято относить к числу преступлений, которые характеризуются исключительно прямым умыслом. На самом же деле они являются идеальным классическим образцом преступлений, которые совершаются с умыслом косвенным. Деяние в них одно, а последствий два: желаемый результат в виде получения виновным материальной выгоды, который преступным не является, и побочный, косвенный результат в виде имущественного ущерба, к которому похититель относится безразлично либо допускает его, который ему сам по себе как таковой не нужен. Но почему хищение стало признаваться совершаемым с прямым умыслом?

Если признать, что и хищение, и приготовление к хищению, и покушение на него совершаются с косвенным умыслом, то это будет вступать в противоречие с рассматриваемой точкой зрения, согласно которой приготовление и покушение с косвенным умыслом невозможны. Устранить данное противоречие можно только двумя способами: либо опровергнуть тезис о том, что приготовление и покушение с косвенным умыслом невозможны, либо избрать такую трактовку хищения, которая с данным тезисом в противоречие вступать не будет.

Как показывает история, из этих двух вариантов был выбран второй, согласно которому хищение, вопреки реальным фактам действительности, стало признаваться совершаемым с прямым умыслом. Характеризуя данную ситуацию, А.И. Бойцов отмечает следующее: «Констатация же того, что хищениям присущи только прямой умысел ... является предпосылкой для ответственности за предварительную преступную деятельность в случаях недоведения хищения до конца по независящим от похитителя обстоятельствам, поскольку согласно ст. 30 УК приготовлением к преступлению и покушением на преступление признаются только умышленные действия, а в теории и практике применения уголовного закона считается, что не просто умышленные, а совершаемые с прямым умыслом» [6, с. 282].

Однако искусственное компромиссное решение об отнесении хищения к числу преступлений, которые совершаются с прямым умыслом, потребовало отнести к числу преступных последствий этого преступления получение виновным возможности пользоваться, распоряжаться похищенным, ведь только к этому, так сказать, «последствию» лицо относится как к желаемому результату. Соответственно этому был решен и вопрос о моменте окончания хищения: оно стало признаваться оконченным в момент наступления этого «последствия» в виде получения виновным материальной выгоды, а не в момент свершившегося факта причинения имущественного ущерба.

Опровержение точки зрения, отрицающей возможность существования приготовления и покушения с косвенным умыслом, позволяет устранить данное противоречие и в полном соответствии с реальными фактами действительности без каких-либо препятствий признать, что все основные виды хищения совершаются именно с косвенным умыслом, а не с прямым. Это, в свою очередь, влечет за собой признание того, что преступным последствием таких хищений является только имущественный ущерб, к причинению которого виновный относится безразлично либо причинение которого он допускает. Соответственно этому подлежит изменению и представление о моменте окончания этих преступлений. Теперь их необходимо будет квалифицировать как юридически оконченные сразу после причинения имущественного ущерба, который охватывался умыслом похитителя. В настоящее время ситуации, в которых имущественный ущерб уже причинен, но виновный материальную выгоду еще не получил, квалифицируются как покушения на хищение, а должны будут квалифицироваться как оконченные преступления. Более подробно данные вопросы рассматриваются в нашей следующей статье «Хищение: преступное последствие, вид умысла и момент окончания», которая уже сдана в печать.

VEKLENKO S.V.,

Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Head of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

SEMCHENKOV I.P.,

PhD in Juridical Sciences, Docent of the Department of Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

SOROKIN I.S.,

PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

PREPARATION FOR A CRIME AND ATTEMPTED CRIME WITH INDIRECT INTENT ARE POSSIBLE

**Preparation for a crime,
attempted crime, direct
intent, indirect intent,
possibility, inevitability,
volitional moment of intent.**

The article discusses the dominant point of view in the doctrine of criminal law and judicial practice, which denies the possibility of the existence of preparation for a crime and attempted crime with indirect intent. The conclusion about its inconsistency with reality is substantiated, the inconsistency of the arguments underlying it is demonstrated. Positive prospects for rejecting this point of view are shown. According to the results of the study, appropriate changes in the doctrine of criminal law and criminal law are proposed.

Реализация результатов исследования применительно к приготовлениям и покушениям, совершаемым с косвенным умыслом и предвидением неизбежности преступных последствий, предполагает внесение изменений в ч. 3 ст. 25 УК РФ, действующая редакция которой исключает возможность предвидения неизбежности в любом преступлении с косвенным умыслом: и в оконченном преступлении, и в приготовлении к его совершению, и в покушении на него. Развернутая характеристика этих изменений уголовного законодательства и необходимые пояснения к ним приведены в нашей предыдущей статье «Интеллектуальный момент косвенного умысла» [1, с. 12-15].

Для практической реализации полученных выводов применительно к приготовлению и покушению с косвенным умыслом, которые совершаются с предвидением возможности наступления преступ-

ных последствий, достаточно изменения уголовно-правового менталитета. Между тем для этого необходимо очень четко разграничивать косвенный конкретизированный и косвенный неопределенный умыслы и не допускать ошибки в виде обобщенного их рассмотрения. Проблемы уголовно-правовой оценки косвенного неопределенного умысла обусловлены не тем, что он является косвенным, а тем, что он является неопределенным. Поэтому правила квалификации содеянного, используемые в настоящее время для неопределенного умысла, применять к конкретизированному косвенному умыслу недопустимо. Преступление, совершенное с косвенным определенным умыслом, следует квалифицировать по направленности умысла, а с косвенным альтернативным умыслом - по направленности умысла на наиболее тяжкий вариант альтернативно предвидимых лицом преступных последствий [7, с. 25-30]. ■

Библиографический список:

1. Векленко С.В., Семченков И.П., Сорокин И.С. Интеллектуальный момент косвенного умысла // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 9-15.
2. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955.
3. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Всесоюзный ин-т юридических наук М-ва юстиции СССР: Гос. изд-во юрид. лит., 1951.
4. Векленко С.В., Семченков И.П. Критический анализ понятия субъективной стороны преступления как элемента состава преступного деяния // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (69). С. 9-11.
5. Семченков И.П. Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 41-44.
6. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.
7. Семченков И.П. Актуальные проблемы квалификации преступлений, совершаемых с альтернативным умыслом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (32). С. 25-30.